Митрополит Иларион: Смысл празднования Воскресения Христова в том, что мы ликуем о торжестве жизни над смертью, добра над злом

19 апреля 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стала телеведущая Сати Спивакова.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Наша передача выходит в канун Пасхи Христовой. У меня в гостях – телеведущая Сати Спивакова. Здравствуйте, Сати!

С. Спивакова: Здравствуйте, Владыка! Я очень польщена, что Вы пригласили меня на эту программу. Конечно, волнуюсь, потому что в церковных канонах я разбираюсь куда меньше, чем Вы в канонах Баха. Не секрет, что Вы профессиональный композитор, музыкант и, можно сказать, теоретик музыки, в чем многие уже убедились, причем неоднократно, по крайней мере, телезрители, которые смотрят программу, которую веду я на канале «Культура». Я надеюсь, что Вы меня проведете по этому прекрасному миру, поскольку Пасха является, на мой взгляд, самым главным, самым светлым, самым радостным праздником. Когда-то его даже называли «велик день»...

Митрополит Иларион: Я хотел бы объяснить Вам и телезрителям, почему именно Вас я позвал на пасхальную передачу. Я стараюсь на Пасху всегда приглашать людей, во-первых, очень симпатичных, а во-вторых, значимых, с которыми в моей жизни что-то связано. Мы с Вами не первый раз встречаемся в телевизионном эфире, в том числе мы встречались на Вашей передаче. Говорили мы тогда о Чайковском. Я подумал, что если мы с Вами поговорим о Пасхе и о том, с чем для нас связан этот праздник, это будет интересно и нашим телезрителям.

С. Спивакова: Свое отношение к Пасхе я могу выразить с точки зрения девочки, которая выросла в Советском Союзе в семье, где папа был человеком партийным. Отец был музыкантом. Жила я в Армении. Надо сказать, что, будучи членом партии, он стал первым и единственным человеком, который сделал аранжировку для камерного оркестра "Литургии" Комитаса. Поэтому он регулярно посещал церковь. Ездил в Эчмиадзин. Был лично знаком и дружен с Католикосом Вазгеном I. Что касается традицией в нашей семье, то обе моих бабушки были глубоко верующими. В те годы, конечно, вера выражалась на каком-то бытовом уровне. Меня крестили, когда мне был год. Крещена я в Армянской Церкви. Помню только эти традиции. Например, мне объясняли, верба

равноценна пальмовой ветви.

Митрополит Иларион: Совершенно верно.

С. Спивакова: Когда Христос входил в Иерусалим, Его приветствовали пальмовыми ветками. Я всегда ждала того дня, когда бабушка из церкви приносила ветки вербы. В Армении было принято за несколько недель до Пасхи высаживать в большой тарелке чечевицу на мокрой ватной основе. Эта чечевица давала зеленые ростки. Я всегда следила, когда же вырастет эта зеленая трава. Получался такой круглый газон из чечевицы. А потом в нее выкладывались крашеные яйца. В основном их красили луковой шелухой. Хотя я знала, что яйца должны быть красные. С одной стороны, красное – это цвет человеческого греха и цвет Крови Христовой. А в Армении считается, что яйцо красное, потому что это цвет солнца.

Митрополит Иларион: Есть разные теории. Да, в Армении, России и на Западе Пасха ассоциируется с крашеными яйцами. Действительно, в советское время мы их красили луковой шелухой. Они получались коричневые. Наверное, тогда не было других возможностей. Я бы хотел с Вами поделиться опытом мальчика, который воспитывался в советское время. В мою жизнь Пасха вошла где-то с 11-12-летнего возраста, когда мама меня крестила. Мы начали ходить в церковь. Мое вхождение в церковь сразу было очень интенсивным; у меня не было обрядового отношения к традициям, к праздникам, потому что в самом раннем детстве я воспитывался вне веры. Но когда я вошел в церковь, то обряды стали прилагаться к чему-то более важному. Мне бы хотелось сегодня об этом поговорить, потому что часто за красотой обрядов, за их красочностью, за их радостным настроением забывают самое главное: что праздник Воскресения Христова – это воспоминание о Христе, Который пострадал на Кресте. Красный – это, действительно, цвет крови, и у нас сорок дней после Пасхи богослужение совершается в красных облачениях. Это воспоминание о страданиях, смерти, погребении и воскресении Спасителя. Смысл этого празднования заключается в том, что мы ликуем о торжестве жизни над смертью, добра над злом. Мы говорим о том, что Бог победил смерть. Мы, верующие люди, знаем, что смерть – это не конец жизни, что это переход в жизнь вечную и что за смертью непременно последует воскресение.

С. Спикова: Вы это сразу поняли, когда в 11-летем возрасте стали ходить в храм, или осознание того, что за обрядами стоит глубокий, вечный смысл, пришло потом?

Митрополит Иларион: Может быть, я не сразу это понял, но я это сразу ощутил. Я ощутил какую-то необыкновенно притягательную силу Церкви, и это ощущение меня не оставляет доныне с того самого дня, когда я переступил порог церкви, а особенно - когда переступил порог алтаря. Для меня это были два очень значимых этапа вхождения в Церковь.

С. Спивакова: У меня к Вам вопрос. Почему в Православной Церкви существует традиция Прощеного воскресенья? Мне кажется, это какой-то день очищения. Но почему именно перед началом Великого поста принято просить прощения?

Митрополит Иларион: Великий пост задуман как некое духовное путешествие. Церковь меняет на это время весь строй своего богослужения. По будним дням даже не совершаются полные Литургии, все богослужение приобретает покаянный характер.

Действительно, пост начинается с Прощеного воскресения. В церковном уставе нет термина «Прощеное воскресение». Но есть очень древняя традиция, и по этой традиции, которая восходит к египетским монастырям V века, если не раньше, в начале Великого поста верующие собираются в храм, чтоб друг у друга попросить прощения, дабы с легким сердцем вступить в духовное путешествие, ведущее к Страстной седмице и к Пасхе.

С. Спивакова: У меня еще один вопрос. Почему именно в Чистый четверг, который был очень тяжелым днем для Христа, принято очищать, мыть жилище, и почему именно в это день вечером красят яйца?

Митрополит Иларион: Во-первых, потому что это происходит перед Пасхой, и люди уже готовятся к Пасхе. Они очищают жилище, они красят яйца. Но самое главное, что они очищают и свой внутренний дом. И самое главное, с чем связан Великий, или Чистый, четверг в церковном уставе, это воспоминание Тайной вечери – события, которое произошло непосредственно перед тем, как Иисус Христос был арестован и осужден на смерть. В этот день по окончании традиционной пасхальной вечери, пасхального ужина, Христос взял хлеб, преломил, раздал ученикам и сказал: «Примите, ешьте, это Мое Тело, которое за вас преломляется». (См. Мф. 26. 26). И потом Он взял чашу, раздал ученикам и сказал: «Пейте из нее все, это Моя Кровь Нового Завета, которая за вас изливается» (См. Мф. 26. 27-28). Они, может быть, не поняли, что тогда произошло. Но именно тогда Христос заложил основы Церкви, потому что Церковь живет, прежде всего, Таинством Причащения. Оно соединяет нас с Богом.

Великий четверг – это особый день, когда мы вспоминаем Тайную вечерю и, причащаясь, становимся ее участниками.

С. Спивакова: Думая о своем детстве, я неожиданно вспомнила две традиции. Конечно, было детское ликование и радость в ожидании того утра, когда можно будет, наконец, взять крашеные яйца и с братьями, сёстрами, друзьями начать с обоих концов их колотить. Но была и другая, древнейшая традиция: в Армении пожилые женщины рано утром в пасхальное воскресенье выходили со свечками и освящали деревья. Существовала еще одна традиция: обязательно

готовилось блюдо из травы спитак банджар. Я пыталась найти перевод этого названия на русский язык, но не смогла. Это белые длинные листья, из которых в сухом виде вяжут большие косы, которые держат дома. В сухом виде они не употребляются. Их только варят. И вот в вареном виде эти листья заворачивают в хлеб. По преданию, Богородица заворачивала в эти листья, пеленала Младенца Христа. Христианство в Армению пришло в 301 году, и очень часто день Пасхи в Армении совпадает с днем православной Пасхи. Конечно, у нас во многом разные традиции, но смысл у них один.

Митрополит Иларион: О традициях Армянской Церкви я не смогу Вам ответить. Но я позову на передачу моего очень хорошего друга владыку Езраса. Он представляет Армянскую Церковь в Москве, он брат Католикоса всех армян. Я ему задам этот вопрос. Надеюсь, что он нам на него ответит.

С. Спивакова: С Православием нас объединяет традиция красить яйца. Все остальные традиции отличаются.

Митрополит Иларион: Куличей нет?

С. Спивакова: Куличей нет.

Митрополит Иларион: У нас на Руси Пасха ассоциируется, прежде всего, с куличами и с творожным продуктом, который так и называется - «пасха» и, конечно, с крашеными яйцами.

С. Спивакова: В России принято говорить «Христос воскресе!» и отвечать «Воистину воскресе!». Армяне говорят: «Христос воскрес из мертвых» и отвечают «Благословенно Воскресение Христово». Эти приветствие и ответ несколько длиннее.

Хотела бы постепенно перейти к музыке. Насколько я понимаю, Иоганн Себастьян Бах, который был кантором в церкви, писал, в основном, по заказу. Написал пять пассионов, то есть произведений, посвященных Страстям Христовым, и одну Пасхальную ораторию. Из пяти «Страстей» до нас дошли «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну». Известно, что «Страсти по Матфею» Бах сам исполнял в 1729 году в церкви святого Фомы в Лейпциге. Насколько я понимаю, эта музыка звучала в лютеранских церквах именно в Страстную пятницу.

Митрополит Иларион: Если говорить о Бахе, то он не просто писал по заказу. Он писал в соответствии с церковным календарем. Его личный календарь был полностью вписан в календарь церкви, к которой он принадлежал. Поэтому он знал, что к каждому воскресенью нужно написать кантату. Когда наступала Страстная седмица, ему надо было представить Страсти – пассион.

Конечно, не каждый год он писал новые «Страсти - это монументальное сочинение, которое писалось много лет. Литургический календарь всех Церквей: и Православной, и Католической, и Армянской, и Лютеранской - особенно насыщен именно на Страстной седмице, потому что, с точки зрения евангельского сюжета, именно она наиболее насыщена образами, воспоминаниями, чтениями из Евангелия и богослужебными текстами. Само празднование Пасхи гораздо короче.

Мы с Вами говорили о Чайковском. Он писал в своих дневниках, что на Страстной седмице бывал в церкви каждый день, а иногда и два раза в день. Он писал, что в Великий четверг пошел в такой-то храм, а в Великую пятницу - в такой-то. Двенадцать Евангелий там-то прослушал.

Неслучайно, что для такого композитора, как Бах, именно Страстная седмица, то есть переживание страданий, смерти Христа, была источником вдохновения. Может быть, не очень деликатно по отношению к такому колоссу, как Бах, сравнивать одно его произведение с другим. Но я думаю, что «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну» – оба эти произведения – гораздо сильнее, гораздо более эмоционально и духовно насыщены, чем его Пасхальная оратория.

С. Спивакова: Не могу не согласиться с Вами. У меня есть ощущение, что в «Страстях по Матфею» есть своя вершина – плач Петра. Мне кажется, нет ничего выше, чем эта альтовая партия плача Петра – Erbarme dich, mein Gott. Хотя Бах есть Бах, он весь – вершина, но это – вершина вершин.

Владыка, у Вас есть Рождественская оратория. Не было ли у Вас желания написать ораторию Пасхальную?

Митрополит Иларион: Вы знаете, после того, как я написал «Страсти по Матфею», у меня как раз была идея написать Пасхальную ораторию. Я столкнулся с тем, с чем, может быть, когда-то столкнулся Бах, что вот этот эмоциональный и духовный накал Страстной седмицы настолько силен и самой истории Страстей Христовых. Каждый ее эпизод отзывается глубоко в сердце. Каждый эпизод оброс очень сильными литургическими текстами.

А история Воскресения Христова не дает такого материала, потому что вся она заключается в том, что разные люди встречали Христа, уже воскресшего. Кто-то Его узнавал, кто-то не узнавал. Мария Магдалина Его приняла за садовника. Два ученика шли по дороге, Он к ним подошел, они Его не узнали, говорили с Ним, и только когда они вошли в дом и Он преломил хлеб, ученики поняли, что это Христос.

Эти истории довольно трудно положить на музыку, в том числе и потому, что само Воскресение Христово вообще никто не видел. Это событие переживается нами настолько глубоко, интимно, что о нем трудно что-то сказать. В итоге я не написал Пасхальную ораторию, а написал, в конце концов, Рождественскую, но это произошло уже позже и совсем под другими впечатлениями.

Пасха – это праздник, который является вершиной пути. Этот путь начинается Великим постом. Он доходит до своей эмоциональной кульминации в Страстную седмицу. Потом в Великую субботу происходит перелом. В нашей литургической традиции он обозначен тем, что священники прямо во время богослужения меняют черные ризы на белые. В этот момент хор поет «Воскресни, Боже…», то есть это уже начало пасхального празднования, но еще не полноценная пасхальная служба, какой мы ее видим в пасхальную ночь.

Наконец, все взрывается этим древним возгласом «Христос воскресе!», многократным пением пасхального тропаря «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ…». Здесь все достигает такого апогея, когда, кажется, дальше уже двигаться некуда. Мы ощущаем, что вместе с Пасхой приходит радость. Но в то же время жалко, что Страстная седмица закончилась, что пост закончился, потому что внутренняя интенсивность этого переживания неизбежно сходит на спад. Такого не должно быть.

Наш великий святой Серафим Саровский круглый год приветствовал посетителей: «Христос воскресе, радость моя!», потому что эта пасхальная радость всегда в нем жила. И мне бы очень хотелось, чтобы и в нас всегда жила эта пасхальная радость.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/51553/